

СЕКЦИЯ «ВОСТОКОВЕДЕНИЕ И АФРИКАНИСТИКА»**ПОДСЕКЦИЯ «ЛИНГВИСТИКА»****О языке Азари и древнем населении Азербайджана***Абилов Джейхун Вафаил оглы**студент**Волгоградская Академия государственной службы*

Сведения о населении исторического Азербайджана и языке его жителей до отуречения области в эпоху Сельджукидов (с XI века) и более поздних тюркомонгольских миграций в регион, немногочисленны и относятся, главным образом, к рубежу I и II тысячелетия нашей эры. Дошедшие до нас упоминания арабских географов о характере населения Азербайджана позволяют сделать ряд предположений. Во-первых, имея в виду данные Ибн-Хаукаля (977 г.), который противопоставляет «фарси» и «азари» языкам горцев Кавказа, можно сделать вывод о том, что язык населения Азербайджана принадлежал к иранской группе. К другим данным, подтверждающим этот тезис, относится перечисление арабским историком Ма'суди (943 г.) иранских наречий региона, где наряду с «дери» и «пехлеви» стоит и «азари». Между тем мы можем говорить и о том, что иранский язык «азари» был отличен как от среднеперсидского, так и новоперсидского языка мусульманского Ирана. В пользу этого утверждения уместно привести высказывание арабского писателя более позднего периода Якута (1179-1229 г.г.) о том, что язык азербайджанцев, называемый «азари», непонятен никому, кроме них самих.

Другой задачей, решение которой – цель данной работы, является определение изоглоссы языка «азари» на территории Азербайджана. Одним из первых, кто сделал предположение на эту тему, был советский иранист Борис Всеволодович Миллер, автор монографии «Талышский язык» (1953г.). Ученый утверждал преимущество талышского языка (а также других диалектов тати-талышской группы: хельхали, каджали и др.) и языка «азари». Ученый локализует язык в регионе восточного и северо-восточного Азербайджана, но не западного. Однако точка зрения о расселении иранцев Азербайджана исключительно на востоке не может быть принята сегодня как верная.

Иранские диалекты Азербайджана, за исключением прикаспийского региона Талеш (Республика Азербайджан и ИРИ), представляют собой анклав среди абсолютного тюркского большинства (азербайджанцы-тюрки Ирана). Эти диалекты: Хельхали (округ Хельхал), Шахруди, Каджали, Гелин-Кайа, Харзанди и некоторые другие, объединяемые в группу под названием «тати» (не путать с татским языком Ширвана). Иранские диалекты существуют и намного восточнее: в округе Казвина. Все они большинством иранистов (Эхсан Яршатер, Хеннинг) признаются диалектами, чрезвычайно близкими талышскому языку. При этом особенно важно отметить, что, скажем, диалект Харзанди, представляет собой анклав западнее Ардебиля. Если учитывать за языками тати-талышской группы преимущество по отношению к языку «азари», то тезис о восточной локализации ставится под сомнение. Но пунктом более значительным, окончательно опровергающим гипотезу Миллера, является существование вплоть до 19 века в Нахичевани килитского языка. Этот язык, выявленный Зелинским в 19 веке, обнаруживает чрезвычайную близость с талышским, при этом являясь самостоятельным языком. Анализ языка проведен в статье М. Керимова «Килитский язык». Исходя из полученных данных становится совершенно ясно, что ареал распространения языка «азари» не ограничивается востоком Азербайджана, но расширяется далеко на запад, по крайней мере до Ордубадского

района Нахичеванской области, где килитский язык был выявлен. Примечательно, что даже система числительных в килитском языке сохраняет характерные древние черты, например, число три: *xe* показывает характерное северо-западное развитие *x* (*h*) от протоиранского *thr-* в отличие от юго-западного *s* (ср. заимствованное из персидского талышское *se*).

Важнейшей задачей данной работы, несомненно, является систематизация сведений о языке «азари» и обоснование его связи с языком талышским. Мы не располагаем сегодня какими-либо серьезными текстами на языке «азари». Скучные данные, выявленные иранским ученым начала XX века Ахмадом Сейидом Кесрави, представляют собой 18 коротких текстов, 14 из которых (рубай) приписывают ардебильскому суфийскому шейху, основателю династии Сефевидов – Сефи-уд-дину Исхаку (1252 – 1334 гг.), один – хельхальцу, жителю Хельхалья, население которого талышеязычно и сегодня, и, наконец, последний – женщине из округа Ардебиля. Тексты были обнаружены в Сафват-ус-Сафа – сочинении-биографии Сефи-уд-дина, а также в «Сильсиле-насабе-Сафавийе» Ибн Баззаза Таваккуля, сочинении, которое описывает генеалогию Сефевидов (правление с 1501/1502 по 1722), персидской династии, теснейшим образом связанной с Ардебилем.

Согласно исследованиям Эхсана Яршатера, на труд которого мы опирались в работе, талышский язык и диалекты тати являются прямыми потомками языка «азери». В *Encyclopaedia Iranica* (Chapter VII The Iranian Language of Azerbaijan), ученый, после подробного анализа лингвистических особенностей «азари» (*Āzarī*), заключает: «Диалекты Азари наших дней. Несмотря на продолжавшийся в течение веков упадок, Азари не исчез вовсе, и его потомки обнаруживаются в современных диалектах, преимущественно называемых Тати, которые имеют широкий спектр фонетических и грамматических особенностей. Перечисляя с юга на запад, это: <...>, диалекты округа Хельхаль, селений Шахруда, <...>, талышских диалектов Шандермана и Советского Талыша...»

Данная тема представляется актуальной по той причине, что общего системного исследования в этой области произведено не было. История ираноязычных народностей Азербайджана была обойдена вниманием востоковедов. Исключение составляют лишь немногие труды, без опоры на которые, данная работа была бы невозможна. Исследования в этой области могут помочь в восстановлении общей картины истории и культуры иранцев исторического Азербайджана, основное население которого сегодня составляют азербайджанские турки. Эти исследования могут также пролить свет и на этногенез современных азербайджанцев, которые являются ассимилирующим этносом и в наши дни.

Литература

1. Керимов М. Килитский язык. www.lingvoforum.net
2. Миллер Б.В. Талышский язык. М., 1953
3. Henning W.B. The Ancient Language of Azerbaijan // *Transaction of the British Philological Society*, p. 157-177, 1954
4. Yarshater, E. *Encyclopaedia Iranica*: Chapter VII The Iranian Language of Azerbaijan.

Аспекты оптимальной языковой глобализации (на примере армянского языка)

Акопян Арменуи Ашотовна

студентка

Международный институт менеджмента ЛИНК

Данная работа ставит своей целью систематизировать уже имеющиеся исследования о происхождении, развитии, употреблении западноармянского и

восточноармянского языков и провести сравнительный анализ, а также оценить возможность принятия одного из них, как единого языка для всех представителей нации, тем самым представить его как основу для оптимальной языковой глобализации армянского языка.

Одним из аспектов языковой глобализации является то, что все носители этого языка, вне зависимости от того, на каком диалекте они говорят, имеют конкретные представления и знания о литературной норме этого языка, образцовой и устойчивой.

В настоящее же время в масштабе армянского языка существует некое размывание литературной нормы, так как существуют две формы новоармянского литературного языка (или две диалектные группы армянского языка): западный (аревмтахайерен) и восточный (аревелахайерен). Исторически сложилось так, что границы их употребления в мире чётко установлены: западный вариант – Ливан, Сирия, Турция, Египет, Ирак, США, Канада, Бразилия, Уругвай, европейские страны; восточный вариант – Армения, территория СНГ, Иран. И это в некоторой степени усложняет вопрос об употреблении единого нормированного литературного языка всеми представителями армянской нации вне зависимости от отдалённости их пребывания от исторической родины.

Расхождения между восточным и западным литературными языками незначительны (в отличие от разговорных диалектов). Главное различие между западным и восточным вариантами языка в том, что в западноармянском произошло вторичное оглушение звонких взрывных: b, d, g перешли в p, t, k.

В соответствии с различными подходами к классификации диалектов насчитывают от 36 до 51 диалектов армянского языка. Но для подавляющего числа диалектов армянского языка характерны: консонантизм (созвучие согласных в слове); 7 падежей, 8 типов склонения, 5 наклонений, 2 типа спряжения, 7 причастий; 3 залога (активный, пассивный, средний), 3 лица (вкл. двоичное), 3 числа; 3 рода (м.р., ж.р., ср.р.) в западном диалекте; в восточном диалекте категория рода отсутствует; 3 вида действия у глаголов (совершённое, несовершённое, подлежащее совершению). В парадигме имени преобладают синтетические формы выражения грамматического значения, а в парадигме глагола – аналитические.

На территории современной Республики Армения (РА) существуют многочисленные диалекты армянского языка, сильно отличающиеся на фонетическом, морфологическом и лексическом уровнях как друг от друга, так и от литературного языка. Но носители различных диалектов осознают, что это лишь разновидности единого восточноармянского языка, который является государственным для РА. Что же касается многочисленной диаспоры, то из-за отсутствия образования и общения на восточноармянском языке, она не воспринимает свои диалекты как ответвления единого нормированного языка.

Определение аспектов оптимальной языковой глобализации, а также той ступени глобализации, на которой находится язык, позволит выявить, какие шаги должны быть предприняты для полной реализации функций литературного языка.

Литература:

1. Джаукян Г.Б. Общее и армянское языкознание. Ереван, 1978.
2. Туманян Э.Г. Древнеармянский язык. Москва, 1971.
3. Godel R. An introduction to the study of classical Armenian. Wiesbaden, 1975.
4. Бенвенист Э., Индоевропейское именное словообразование, пер. с франц., М., 1955.
5. Бенвенист Э. Проблемы армянского консонантизма, М., 1961.

Некоторые аспекты стандартизации письменной и устной речи в современном хауса. Роль английских и французских заимствований

Вереземская Александра Сергеевна

студентка

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

Цель данной работы – проследить специфику взаимодействия языка хауса с государственными языками Нигера и Нигерии, т.е. тех стран, где он широко распространён, а именно с английским и французским языками. В результате этого взаимодействия в среде образованных людей, которые по большей своей части являются билингвами, возникают особые формы речи, которые воспринимаются средствами массовой информации в качестве эталонной речи конкретного района. Всё это придаёт используемому языку хауса различные стилистические и лексические ареальные характеристики, на которых хотелось бы подробно остановиться.

Язык хауса является вторым по распространённости в Африке. Страны с наибольшим количеством носителей – Нигерия и Нигер, причём Нигерия ранее являлась английской колонией, Нигер – французской.

Своим широким распространением за пределами этих двух стран хауса обязан активному торговому потенциалу этноса, а также, по мнению некоторых исследователей, высокой способностью к межэтнической коммуникации. На сегодняшний день носители языка хауса живут также в Гане, Того, Бенине, Судане, Камеруне и Буркина-Фасо. Кроме того хауса широко используется как язык межэтнического общения практически во всей Западной Африке.

Так как основная масса носителей хауса проживает на территории Нигерии и Нигера, то речь пойдёт о развитии и стандартизации письменной и устной речи именно в этих странах. В первой половине 20 века, в период колониальной зависимости, и в постколониальный период в хауса активно проникали разнообразные заимствования, в основном необходимые для описания тех реалий, которых ранее не было в данном социуме (т. н. «культурные заимствования»). Характер этих заимствований на территории Нигера и Нигерии, естественно, различается – в первом случае заимствования происходят из французского, во втором – из английского языков.

Специфика заимствования слов и выражений может зависеть от особенностей колониального правления – прямого (английский вариант) и косвенного (французский). В то время как английскими властями активно поощрялось собственно изучение и развитие местных языков, французская система не уделяла этому внимания, что и привело к гораздо большему количеству прямых культурных заимствований в нигерском хауса. В то же время в нигерийском хауса существует огромное количество описательных переводов и калек с английских понятий и выражений, что предохраняет его от переполнения видимыми заимствованиями (также и с фонетической точки зрения). Примеры:

Нигер - Нигерия - перевод:

abiyoo (фр. avion) - jirgin sama (лодка неба в дословном переводе) - самолёт;

akasidan (фр. accident) - had'ari - авария, несчастный случай;

tambur (фр. timbre) - kan sarki (голова эмира, правителя в дословном переводе) - почтовая марка;

askaliye (фр. escalier) - mataki (имя места от глагола ступать) - лестница.

Всё больше увеличивающееся различие между активной культурной лексикой нигерского и нигерийского хауса, связанное с отличностью языков-суперстратов, приводит к тому, что рядовые носители языка перестают понимать друг друга (или недопонимают) в некоторых сферах жизни. Примеры:

Нигер - Нигерия - перевод:

lokotoro (фр. le docteur) - likita (англ. doctor) - врач;
beeloo (фр. velo) - keke (англ. bicycle) - велосипед;
ut (фр. aout) - ogast (англ. august) - август;
aboka (фр. avocat) - lauya (англ. lawyer) - адвокат;
arazuwar (фр. rasoir) - reza (англ. razor) - безопасная бритва;
suhule (фр. sifflet) - usir (англ. whistle) - свисток, и так далее.

Вопросы терминологии при изучении японских «айдзути»

Горохова Т.Н.

аспирантка

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

В традиционном понимании «айдзути» – это своеобразные контактоустанавливающие и некоторые другие элементы. Они не являются уникальным явлением, свойственным исключительно японской устной диалогической речи. Однако именно в японском языке их характеризует богатый лексический состав и высокая частота употребления коммуникантами в ходе диалогического общения, что позволяет считать «айдзути» одной из отличительных особенностей японского языка.

Тем не менее, среди исследователей данного явления все еще отсутствует единая терминология и нет консенсуса относительно того, какие действия коммуникантов следует рассматривать в качестве «айдзути».

При выработке рабочего определения с целью дальнейшего изучения «айдзути» японского языка автором были рассмотрены наиболее близкие теме исследования работы отечественных и зарубежных лингвистов.

Большинство определений отечественных ученых не подходит по следующим причинам:

1. В них отсутствует разделение на «слушающего» и «говорящего» при употреблении в диалоге «релятивов» («коммуникативов», «контактоустанавливающих элементов» и др.) – данным инструментом устной диалогической речи может воспользоваться как «слушающий», так и «говорящий».

2. Происходит смешение «релятивов» («коммуникативов», «контактоустанавливающих элементов» и др.) с формулами речевого этикета.

3. Не проводится граница между «релятивами» «слушающего» («коммуникативами», «контактоустанавливающими элементами» и др.) и его ответами на вопрос собеседника, сигнализирующими о происходящей смене ролей коммуникантов.

В свою очередь, японские исследования опираются, главным образом, на народные представления об «айдзути»: изучаются короткие ритмичные положительные вокализации «слушающего» в ходе устного диалогического общения, а также его утвердительные кивания головой.

В то же время, среди японских лингвистов встречаются независимые от народных стереотипов подходы к категории «айдзути», акцентирующие внимание на функции управления разговором со стороны «слушающего».

Основными преимуществами работ англоязычных исследователей представляются их попытки разграничить «слушающего» и «говорящего» при употреблении «сигналов второстепенного канала информации», использование комплексной методологии с привлечением данных социологии и психологии.

При составлении своего собственного определения автор опирался на теорию американского ученого В.Ингве о «back channels» («сигналы второстепенного канала информации», англ.), идеи японской исследовательницы А.Миядзи об «укэкотаэ»

(«ответные реакции слушающего», яп.), а также тщательный анализ работ отечественных и других зарубежных исследователей.

В результате анализа существующих концепций мы сочли возможным предложить термин «сигналы слушающего» и определение этой категории для изучения японских «айдзути» (а также аналогичной им категории в других языках):

Сигналы слушающего – это система вербальных и невербальных знаков, используя которую слушающий, принимая во внимание (но не подчиняясь им!) контактоустановительные действия говорящего и стиль его рассказа (в первую очередь, ритмику дыхания, фонетические минимальные предикации, заключительные паузы, просодию, тематику разговора, мимику, изобразительную и прочую жестикуляцию) влияет на дальнейшее развитие разговора, не выходя при этом за рамки коммуникативной роли «слушающего». Сигналы слушающего не обладают функцией захвата инициативы ведения разговора, не являются ответами на вопрос, этикетными формулами приветствия, благодарности, прощания и т.п.

В качестве вербальных сигналов слушающего используются: первообразные односложные и многосложные междометия (собственно лексические единицы айдзути), эмотивно-оценочные междометия, реплики-реакции на услышанное, уточняющие вопросы, переспрашивания, подсказывания, повторы за говорящим, междометия или слова, сигнализирующие о желании слушающего прекратить обсуждение затрагиваемой тематики, но при этом не являющиеся требованием «передать слово» с целью высказаться самому. К последней группе принадлежат и «нулевые» сигналы слушающего – своеобразная «блокада» говорящего, вплоть до его полного игнорирования.

В качестве невербальных сигналов используются движения головы, улыбка, смех, взгляд, мимика, жесты.

Литература

1. Раздорский А.И. (1981) Национально-культурные особенности коммуникации в японском устном диалоге. Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. М.
2. Yngve, Victor H. (1970) On getting a word in edgewise. Chicago Linguistic Society, 6th, p.567-568.
3. Кубота Маюми (2001) Айдзути ва хито-оикасу. Атарасий комюникэсэн-но сусумэ. Косайдо сьуппан.
4. Мидзутани Нобуко (1988) Айдзути рон. Нихонгогаку. 12 гацуго. Vol.7. Мэйдзи сёин.
5. Миядзи Ацуко (1959) Укэкотаэ. Кокугогаку. 39.

Сленг в Кении. Особенности номинаций лиц в шенге

Дорохина Мария Олеговна

магистрант

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

Молодежный сленг является средством общения большого количества людей, условно объединенных возрастом. Носителями сленга являются, как правило, люди 12 - 30 лет. Сленг охватывает практически все области жизни, описывает практически все ситуации. Сленговое слово рождается как результат эмоционального отношения говорящего к предмету разговора. Сленг - это постоянное словотворчество, в основе которого лежит принцип языковой игры. Нередко именно комический, игровой эффект является главным в сленговом тексте. Молодому человеку важно не только «что сказать», но и «как сказать», чтобы быть интересным рассказчиком.

Разумеется, такая речь, имеющая множество подтекстов, часто непристойного свойства может использоваться только в неформальном общении равного с равным, т.е. имеет довольно строгие границы уместности и адекватности.

Ярким примером сленга в рамках языка суахили¹ является шенг, появившийся и стремительно развивающийся в городах Кении. Можно сказать, что это некий гибридный язык, основанный на суахилийской грамматике.

Шенг охватывает огромное количество номинаций со значением лиц, так как использование такого языка является признаком принадлежности к особенной группе людей, члены которой должны быть четко охарактеризованы в самом сленге. Так, в шенге используется более тридцати слов для называния девушки (banana, mkuki, kirenge, kipusa, kago, chikii и т.д.), более двадцати терминов, относящихся к представителям полиции (sonyi, ponyi, karai, flik, ako, pai и т.д.²).

Такое разнообразие слов, имеющих сходное значение, связано с секретной функцией номинаций в шенге. Как только данная номинация становится известна большому количеству людей, создается новая, которая может в течение некоторого времени служить своеобразным секретным кодом.

В целом номинации, обозначающие человека, представленные в шенге можно разбить на несколько тематических групп:

- номинации, называющие родственников, как правило, родителей (badili «отец», anti «тетя»)
- номинации со значением профессии (mati «медсестра», hadii «директор школы»)
- номинации, обозначающие лиц противоположного пола (kashano «девушка», amaji «парень, молодой человек»)
- номинации, подчеркивающие личные качества человека (makhonyu «обжора», danda «глупый человек»)
- номинации, концентрирующие внимание на внешнем облике человека (pechu «красивая девушка», kibabi «человек, который носит немодную одежду»)
- номинации со значением социального статуса человека (shugamani «богатая женщина», fariso «мужлан»)
- номинации со значением национальности (mlami «белый человек», mpointi «мулатка»)

Древнетюркские элементы в падежной системе якутского языка

Иванова Мария Юрьевна

студентка

Якутский государственный университет им. М.К. Аммосова

В якутском языке следы древних тюркских языков проявляются не в единичных явлениях, а во всем грамматическом строе языка, что позволило думать, что в основе якутского языка был какой-то древний тюркский язык, близкий языку рунических орхонских памятников.

По-видимому, древний тюркский язык имел большое распространение. Об этом говорит то, что памятники древнетюркской рунической письменности встречаются на обширной территории (бассейны Орхона, Селенги, верхнее течение Енисея) и относятся к длительному позднему времени³.

¹ Суахили – один из крупнейших языков Восточной Африки, принадлежащий к группе банту.

² Ileri Mbaabu, Kipande Nzunga, Sheng-English Dictionary, TUKI, Dar es Salaam, 2003.

³ Убрятова Е.И. Историческая грамматика якутского языка. – Якутск, 1985, с. 24.

Сравнительный обзор падежных систем якутского и древнетюркского языков позволил сделать несколько выводов и предположений:

1. Падежная система якутского языка обнаруживает значительное количество схожих черт с тем же явлением древнетюркского языка. Однако, очевидно и то, что якутский язык претерпел ощутимые изменения, которые в настоящее время представляют собой ее оригинальную особенность.

Современное значение частного падежа могло выработаться из более древнего значения исходного падежа. Доказательством тому может служить то, что для обозначения части вещества в якутском языке, как и в других тюркских языках, употребляется иногда форма исходного падежа. Отсутствие подобной падежной формы в других родственных языках, приводит к мысли о том, что частный падеж является одним из характерных черт современного якутского языка.

2. Значения формально отсутствующих в якутском языке падежей древнетюркского языка, например местного и направительного, стали выражаться формами других падежей (дательный и частный в якутском), либо другими формальными средствами, такими как послелогии (др. тюрк. количественный падеж = послелогии *саба*, *курдук* в якутском и т.д.) В якутском языке произошли процессы, которые также привели к перестановке значений падежей между собой (дательный, орудный).

3. Некоторые падежные формы сузили сферу своих значений в пользу их конкретизации, на базе значений одного древнего падежа возникли новые, например, значение местного-исходного падежа древнетюркского (-*та*, -*тэ*, -*да*, -*дэ*) в якутском языке могут выражаться отчасти формами частного (*бардах-м/ы/на*¹, *тыа/таа/5ы*), дательного (*манна* - *здесь*, *онно* - *там*, *ханна* – *куда*)² падежей.

4. Судя по совмещению значений местного и исходного падежей древнетюркского языка, можно предположить, что граница между падежами не была столь конкретной и определенной. В современном же якутском языке каждый падеж имеет свое собственное закрепленное за ним значение.

5. В современном якутском языке отмечается заметное расширение значений отдельных падежей, в то время, как падеж в древнетюркском располагал лишь двумя-тремя значениями.

6. Падежная система якутского языка развивалась обособленно от других тюркских языков. Вероятно, якутский язык утратил общетюркский облик падежной системы в глубокой древности. Такие формы представляют собой непродуктивные «омертвелые» образования.

Литература

1. Антонов Н.К. Былыргы тюрк тыла (VI-VIII үйэлэр). – Якутск, 1970.
2. Винокуров И.П. Саха тылыгар падеж системата. – Якутск, 1977.
3. Кононов А.Н. Грамматика языка тюркских рунических памятников VII-IX вв. – Л.: Наука, 1980.
4. Левин Г.Г. Былыргы тюрк тыла (морфология). – Якутск, 2000.
5. Харитонов Л.Н. Современный якутский язык. – Якутск. 1947.
6. Широбокова Н.Н. Об отношении якутского языка к языкам древнетюркских памятников // Исследования по языкам народов Сибири. – Новосибирск: Наука, 1977, с. 108-116.
7. Ястремский С.В. Грамматика якутского языка. – М., 1938.

¹ Коркина Е.И. Наклонения глагола в якутском языке. – Якутск, 1961, с. 185.

² Бетлинг О.Н. О языке якутов. – Новосибирск: Наука, 1990.

Лексика боли в языке хинди

Козлова Екатерина Владимировна¹

студентка

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

В рамках совместного исследовательского проекта РГНФ и НАН Украины была проведена лексико-типологическая работа по изучению лексики, описывающей боль и сходные неприятные физиологические ощущения в разных языках мира.² В каждом языке есть предикаты собственно боли (как рус. *болеть*, англ. *ache, hurt*) и есть заимствованные единицы из других семантических зон (ср. русск. *в боку режет*) – результат метафоризации. Поля-источники метафор можно разделить на три типа. *Универсальные* - представленные во всех языках («горение», «воздействие инструментом»: всегда есть '*гореть*', '*колоть*'); *не универсальные* (во фр. нет поля «звук»); *редкие*, то есть представленные в небольшом количестве языков («человеческое поведение» - агульск. '*голова сошла с ума*'). Семантические поля можно также оценить на основе количественного соотношения входящих в них предикатов. С лексической точки зрения выделяются «бедные», «богатые» и «средние» системы-группы нахождения болевых метафор (Майсак, Рахилина, 2007).

Цель проекта – найти болевые метафоры в рассматриваемых языках, в том числе и в хинди, определить, являются ли болевые метафоры источником для вторичных, установить механизмы семантического перехода и выяснить, какие синтаксические конструкции образуют болевые метафоры. Материалом для анализа послужили словари, анкеты, художественная литература, сведения, полученные от информантов.

В рамках проекта в хинди рассмотрены предикаты из следующих семантических групп:

- «горение» (*глаза горят* – от высокой температуры, дыма)
- «разрушение»
 - квазиинструментальное воздействие (*в животе мыши грызут* – о чувстве голода)
 - инструментальное воздействие (*глаз втыкается* – болит от попадания песчинки внутрь)
 - саморазрушение (*суставы ломаются*)
- «движение» (*голова кружится*)
- «звук» (*уши звенят*)
- «потеря функциональности» (*нога заснула* – затекла).

«Бедными» системами, представленными в хинди одной или двумя лексемами, являются группа «мягкой деформации структуры», куда входит единственный предикат *dabānā* '*давить, нажимать, сдавливать*', и группа «квазиинструментального воздействия», включающая два глагола - *kutarnā* '*откусывать, отгрызать*' и *Dasnā* '*жалить*'.

«Средние» системы различают лексически только основные зоны значений и не обладают специальными средствами для выражения более «тонких» противопоставлений. К таким относится «движение», состоящее из четырех глаголов, образующих болевые метафоры (*kūdnā* '*прыгать, скакать*'; *čakrānā* '*кружиться*';

¹ Автор выражает признательность научному руководителю, доценту Хохловой Л.В. за помощь в подготовке тезисов.

² В проекте рассматривалось около двадцати языков: русский, болгарский, сербский, чешский, литовский, английский, немецкий, французский, испанский, хинди, арабский, японский, китайский, агульский, грузинский, балкарский, эрзянский, португальский, шведский, украинский, польский.

ghūmnā ‘кружиться, вращаться, гулять, поворачивать’; *maroR uThnā / ānā* ‘скручиваться’).

На основе исследованного материала хинди можно утверждать, что «богатые» системы в хинди – это такие системы, которые включают квазисинонимы, маркирующие тонкие смысловые оппозиции. Самой «богатой» областью нахождения болевых метафор в хинди является семантическое поле «звук». Сюда входят двадцать предикатов, обозначающих неприятные или болевые ощущения, которые могут уподобляться различным звукам: механическим звукам (в том числе и музыкальным), человеческим и животным звукам. К «богатым» системам можно отнести также «горение», «потерю функциональности», «инструментальное воздействие», отличающееся разнообразием глаголов «прокалывания, протыкания», и «саморазрушение», состоящее из трех предикатов, очень различающихся в своем употреблении.

Различные болевые метафоры оформляются различными синтаксическими конструкциями. В конструкциях с собственно-болевыми глаголами ни сочетаемость, ни оформление участников не зависит от части тела, органа (ср.: глаза болят, сердце болит). Важное отличие производных болевых глаголов от собственно-болевых заключается в ограничении на сочетаемость с конкретным списком частей тела, органов: в хинди «хныкать» может только зуб, в отличие, например, от русского, где «ноет» зуб, спина, рука, палец; с *bajnā* «звенят» не только уши, но и зубы. В именных конструкциях название органа или части тела оформляется локативным послелогом (в сердце «укалывание» есть), в глагольных конструкциях лексема, обозначающая орган или часть тела, как правило, является подлежащим (голова кружится; уши «шумят»), но возможно исключение, когда подлежащим является стимул (в сердце шип побаливает; ботинок режет ногу).

Почти во всех языках есть универсальные поля-источники метафор и определенный набор часто используемых глаголов. В то же время в разных языках наблюдаются разные метафоры болевых ощущений, способы передачи физической и душевной боли являются отличительными, своеобразными для каждого народа, языка. Например, при ощущении чувства голода в хинди живот «прыгает» или «в животе грызут мыши»; при состоянии, близком к потере сознания, обмороку, сердце «начинает тонуть» или «улетать»; от холода пальцы могут стать «пустыми».

Первоначальная гипотеза о том, что болевые метафоры являются источником для вторичных, так как в языке наблюдается такая цепочка переходов: физическое действие (дом горит) → отрицательное физиологическое состояние (лоб горит от температуры) → отрицательное эмоциональное состояние (глаза горят от злости). В хинди встречаются также эмоциональные метафоры без физиологических (например, сердце «садится» от волнения, разочарования или беспокойства, которое испытывает субъект), следовательно, возможная гипотеза о том, что эмоции происходят от болевых метафор, не работает. Можно предположить, что хинди не различает физическую и душевную боль, либо метафоризация не зависит от последовательности переходов, то есть и для первичных, и для вторичных метафор существует общий источник.

Литература

1. Майсак Т.А., Рахилина Е.В.(ред.) Глаголы движения в воде: лексическая типология М.: Индрик, 2007.
2. Липеровский В.П. Глагол в языке хинди. М.: Наука, 1984.
3. Бескровный В.М. (ред.). Хинди-русский словарь (75 тыс. слов). М.: Советская энциклопедия, 1972
4. Ульциферов О.Г. Современный русско-хинди словарь. М.: Рус.яз.- Медиа, 2004
5. Bholanāth Tivāṛī.Hindī muhāvrakoṣ.Delhi, 1984

**Тувинские и монгольские элементы в древнетюркско-якутских параллелях
(на материале основ, обозначающих наименования частей тела и организма)**

Малышева Нинель Васильевна

студентка

Якутский государственный университет им. М.К.Аммосова

Целью данной работы является выявление фонетических и семантических особенностей тувинских и монгольских элементов в древнетюркско-якутских параллелях. Предметом исследования являются основы, обозначающие наименования частей тела и организма.

Всего обнаружено 32 [14/16/2] древнетюркско-якутских параллелей. Из них имеют репрезентации в тувинском языке – 24 [12/10/2](71,8%), в монгольском языке – 18[8/8/2](53,1%) основ.

В якутско-древнетюркских параллелях наблюдаются фонетические явления:
-соответствие гласных в односложных корнях: [u~uu]: др.тюрк. *but* ~ як. *buut*;
-соответствие согласных в анлауте: [j~s]: др. тюрк. *jürek* ~ як. *süreq*;
-образование дифтонга при выпадении [ǰ]: др.тюрк. *baǰır* – як. *biar*;
-образование долгих гласных при выпадении [g]: др. тюрк. *älig* – як. *ilii*;
-выпадение согласного [s] в анлауте: др. тюрк. *sünüik* – як. *unuox*;
-соответствие гласных в середине слова: [ä~ii]: др. тюрк. *bäl* ~ як. *biil*;
-соответствие согласных в инлауте: [q~ǰ]: др. тюрк. *arqa* ~ як. *arǰas* [1].

В исследуемых тувинском и монгольском языках также выявляются фонетические изменения или сохранения гласных и согласных фонем.

В отношении якутского языка отмечаются следующие фонетические явления:

б) в тувинском языке:

-сохранение начальных гласных в односложных корнях: як. *ät* – тув. *ät*;
-соответствие согласных в анлауте: [t~d]: як. *tigirax* ~ тув. *dirgax*;
-сохранение гласных в первом слоге: як. *atax* – тув. *adax*, як. *arǰaa* – тув. *arga*;
-соответствие согласных в инлауте: [ǰ~g]: як. *arǰaa* ~ тув. *apga*.

в) в монгольском языке:

-соответствие гласных в односложных корнях: [üü ~ ü]: як. *süüs* ~ монг. *ziis*;
-соответствие гласных в односложных корнях: [oo~o]: як. *bood* ~ монг. *bod*;
-соответствие согласных в инлауте: [t~d]: як. *atax* ~ монг. *adag*;
-соответствие согласных в анлауте: [k~x]: як. *kulgaax* ~ монг. *xulki*.

В отношении древнетюркского языка выявляются фонетические явления:

а) в тувинском языке:

-фарингализация гласных: тув. *ç̣ash, ạ̈yt* [2];
-образование долгих гласных при выпадении [ɣ] и [ǰ]: тув. *baar, aas*;
-соответствие согласных в анлауте: [t~d]: др. тюрк. *t̄il, tiš* ~ тув. *d̄il, diš*;
-соответствие согласных в ауслауте: [d~t]: др. тюрк. *öd* ~ тув. *öt*;
-сохранение согласных в инлауте: [d-d]: др. тюрк. *adax* – тув. *adak*;
-образование долгих гласных при выпадении [ŋ]: др. тюрк. *jaŋax* – *çaax*;
-сохранение гласных во втором слоге: [a-a]: др. тюрк. *adaǰ* – *adak* [3].

б) в монгольском языке:

-сохранение слова: [bod]: др. тюрк. *bod* – монг. *bod*;
-сохранение согласных в анлауте: [t-t]: др. тюрк. *t̄il* – монг. *tol*;
-сохранение гласных в слове: [a-a]: др. тюрк. *adak* – монг. *adag*;
-сохранение гласных в первом слоге: [u-u]: др. тюрк. *kulkak* – монг. *xulki*;
-сохранение согласных в инлауте: [d-d]: др. тюрк. *kudursuq* – монг. *xudraga*;
-сохранение согласных в инлауте: [l-l]: др. тюрк. *älig* – монг. *iläx*.

В отношении древнетюркского языка без фоно-семантических изменений остались формы: як. *ät, t̃il, xarax*; тув. *bas, but*. Сохранение фонемы [т] в структуре CVC является показателем древности форм як. *t̃il* и тув. *but* [1].

В двух основах *buut* «бедро» и *uos* «губы» отмечается сужения лексических значений. В древнетюркском языке данные формы имеют более расширенное значение, соответственно, «нога, бедро», «рот, уста, губы». В тувинском языке наблюдаются незаметные семантические изменения, в частности, в основах *ç̣wash* «коса», *äyt* «мясо» характерны сужения значений слов. В древнетюркских аналогичных формах *saç, ät* наблюдаются общетюркские вторичные значения «коса», «рост, мясо». В формах як. *t̃inirax* и тув. *dirgax* выявляется расширенное значение «коготь, ноготь, лапа». В монгольском языке заметные лексические изменения наблюдаются в следующих формах: монг. *bod* «предмет, материя, вещество», монг. *tolb* «словарь», монг. *agt* «зуб мудрости», монг. *töv* «центр, центральный», монг. *iläx* «ласкать».

Основные выводы:

1. В древнетюркско-якутских параллелях имеется множество монгольских рефлексов [53%].

2. В тувинских репрезентациях выявляются характерные фонетические и структурные изменения. Заметные фоно-морфологические изменения отмечаются в монгольских формах.

3. Устойчивость семантики параллелей отмечается: а) в отношении древнетюркского языка - в тувинском языке в 17 (70,8%), в монгольском языке в 5(27,7%) случаях; б) в отношении якутского языка - в тувинском 14(63,6), в монгольском – 3(17%) случаях.

4. Более заметные семантические изменения наблюдаются в монгольском языке, в тувинском языке отмечаются лексические изменения, характерные к тюркским языкам.

5. Фоно-семантический анализ выявляет, что тувинские и монгольские элементы более близки к древнетюркскому языку, чем к якутскому.

Литература

1. Баскаков Н.А. Введение в изучение тюркских языков. М., 1969.
2. Серебренников Б.А., Гаджиева Н.З. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. М., 1986.
3. Татаринцев Б.И. Этимологический словарь тувинского языка. М., 2000.

Глаголы *ci* и *sha* в составе фразеологизмов хауса

Минеева Ксения Сергеевна

студентка

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

Объектом настоящего исследования являются фразеологические единицы, имеющие в своем составе глаголы *ci* *есть* и *sha* *пить*.

Основная цель работы – это описание и систематизация указанных выше типов глагольных фразеологизмов, а также их типологический анализ.

В хауса фразеологические обороты могут представлять собой законченное высказывание, например:

Ina ruwanka *какое тебе до этого дело?* (досл. *Где твоя вода?*),

Sanyu ya kama ni *я простудился* (досл. *Холод поймал меня*).

Фразеологизмы могут занимать в предложении позицию подлежащего или дополнения. В этом случае они являются именными фразеологизмами, поскольку занимают те позиции, которые может занимать имя:

Vakan gizo – *радуга* (досл. *оружие паука*),

Abokin gaba – враг (досл. *друг вражды*).

Фразеологизмы, занимающие в предложении позицию глагола, являются глагольными фразеологизмами

Ci nasara - выигрывать, побеждать (досл. *съесть победу*),

Sha kashi - потерпеть поражение (досл. *выпить экскременты*).

Типологический анализ глагольных фразеологизмов хауса:

Компоненты данных фразеологизмов:

Глаголы, входящие в состав глагольных фразеологизмов (ci (*есть*), sha (*пить*)), которые в сочетании с другими лексическими единицами принимают совершенно новые для них значения.

Вторым (неглагольным) элементом фразеологизмов чаще всего является существительное (ci bashi (bashi – денежный долг), sha kud'i (kud'i – деньги)), в том числе и отглагольное. Также в качестве одного из элементов могут выступать квантификаторы, идеофоны и другие части речи.

Роль и функции глагольных фразеологизмов в предложении:

Позиция второго элемента фразеологизма рассматривается на примере фразеологизмов ci karo в предложении «Suka kai jihadi har Barno, amma nan suka ci karo da Muhammadu el Kanem» (*в проведении священной войны они зашли так же далеко, как и Борно, но там они столкнулись с с Мухаммаду эль Канем*) и sha wuya в предложении «Lalle a lokacin yak'i mutane suka sha wuya» (*несомненно, во время войны народ боролся с многочисленными трудностями*)); второй элемент чаще всего следует сразу же после первого.

Возможно образование отглагольных существительных от входящих в состав фразеологизмов глаголов с использованием генитивной связки (ci sarauta «взять власть» => cin sarauta – «захват власти»),

Устойчивые глагольные образования используются также в предложениях с измененным порядком слов (wahalar da ta sha).

Глагольные фразеологизмы в грамматической системе хауса;

их синтаксические особенности рассматриваются на примере употребления фразеологизма ci gaba (kuma shi adabin gargajiya abu ne mai rai da ya ke ci gaba a kowane lokaci – *поскольку традиционной (национальной) литературой интересуются, она продолжает свое развитие*).

Рассматриваемые фразеологизмы могут быть классифицированы в соответствии с их основными значениями; получившиеся группы включают в себя фразеологизмы, имеющие в составе один и тот же глагол. Например, значение «победить, преодолеть» чаще всего выражается при помощи глагола ci, основное значение которого – «есть» (eat).

В работе представлена классификация основных значений глаголов ci и sha, служащих главным компонентом рассматриваемых фразеологизмов:

I. Глагол «ci» («есть»):

1) собирать, накоплять, брать: ci kud'in haraji – *взимать налоги* («haraji» – налог), ci bashi – *залезть в долги* («bashi» - долг), ci rashawa – *принять взятку* («rashawa» - взятка), ci ado – *одеваться* («ado» - украшения), ci karo – *столкнуться с кем-то, неожиданно встретить* («karo» - столкновение);

2) побеждать, преодолевать: ci jarrabawa – *сдать экзамен* («jarrabawa» - экзамен), ci nasara – *победить* («nasara» - победа), ci sasa – *выиграть в игре* («sasa» - азартная игра), ci kwaf – *выиграть кубок* («kwaf» - кубок), ci mil uku – *пройти расстояние в 3 мили* («mil uku» - 3 мили), ci gaba – *продолжать* («gaba» - передняя часть);

3) повреждать, терять, уничтожать: ci amana – *обмануть доверие* («amana» - доверие), ci fuska – *унижать* («fuska» - лицо);

4) получать, достигать: *si duniya* – наслаждаться жизнью («*duniya*» - жизнь), *si sarauta* – получить власть, стать правителем («*sarauta*» - вождь);

5) выражение интенсивности действия: *si tafiya* – путешествовать («*tafiya*» - дорога), *si gudu* – бежать быстрее, продолжать бежать («*gudu*» - бег), *si aiki* – работать усердно («*aiki*» - работа).

II. Глагол «*sha*» («пить»):

1) страдать, иметь неудачный опыт в чем-либо: *sha wahala* – испытывать трудности («*wahala*» - трудность), *sha azaba* – мучиться, испытывать тоску («*azaba*» - горе, страдание);

2) поглощать, получать, наполнять: *sha taba* – курить («*taba*» - табак), *sha iska* – гулять, прогуливаться («*iska*» - ветер), *sha dad'i* – чувствовать себя счастливым («*dad'i*» - удовольствие, наслаждение);

3) делать что-то в большом объеме: *sha zama* – долго ждать («*zama*» - пребывание, нахождение), *sha duniya* – пребывать в городе долгое время («*duniya*» - мир), *sha ruwa* – литься как из ведра (о дожде; «*ruwa*» - вода), *sha kallo* – увидеть многое («*kallo*» - наблюдение).

Географические термины якутского и древнетюркского языков

Ноев Степан Олегович

студент

Якутский государственный университет им. М.К. Аммосова

Общеизвестно, что якутский и древнетюркский языки по своему происхождению восходят к общему тюркскому праязыку. В этом отношении взаимосвязь вышеназванных языков оценивается по разному: 1) О.Н. Бетлингк, С.Е. Малов, Н.К. Антонов считают, что фоно-морфологическая канва якутского языка, минуя древнетюркский язык, восходит прямо к тюркскому праязыку; Е.И. Убрятова отметила, что формирование якутского языка происходило при взаимодействии древнего тюркского языка, близкого языку орхонских текстов. Ее научные взгляды позднее находили поддержку в работах Н.Н. Ширококовой и других исследователей.

Предметом нашего исследования является 14 географических терминов якутского и древнетюркского языков, которые наиболее часто фиксируются в текстах памятника в честь Кюль-Тегина (VI-VIII вв.) и в якутском героическом эпосе олонхо. В частности, др.тюрк. *ariğ* - як. *ariï* “остров, лесной остров”, др.тюрк. *ilgerü* - як. *ilin* “восток, на восток”, др.тюрк. *jazi* - як. *sihii* “равнина, степь”, др.тюрк. *jaqa* - як. *sağa* “край, окраина”, др.тюрк. *jol* - як. *suol* “дорога”, др.тюрк. *jış* “горы, покрытые лесом” - як. *sis tia* “нагорный лес”, др.тюрк. *jer* - як. *sir* “земля”, др.тюрк. *köl* - як. *küöl* “озеро”, др.тюрк. *öz* - як. *üös* “русло реки”, др.тюрк. *sub* - як. *uu* “вода”, др.тюрк. *tag* “гора” - як. *tia* “лес”, др.тюрк. *taş* - як. *taas* “камень”, др.тюрк. *qaja* “скала” - як. *qaja* “гора, скала”.

Как видим, во всех словах в основном наблюдаются только фонетические и структурные изменения. Семантический сдвиг фиксируется в основе др.тюрк. *tag* “гора” - як. *tia* “лес”. Данное явление, по мнению А.Т. Кайдарова, объясняется, “тем, что во многих тюркоязычных регионах лес растет обычно в гористой местности, а в условиях Якутии - это сплошная низменность и люди, пришедшие сюда с горных массивов, покрытых лесом, могли лес (тайгу) обозначить словом гора.

Фонетические вариации: 1) согласные - а) соответствия согласных в анлауте: [j -c]: др.тюрк. *jazi, jaqa, jol, jış, jer* - як. *sihii, sağa, suol, sis (tia), sir*; б) соответствия согласных в инлауте [q -ğ]: др.тюрк. *jaqa* - як. *sağa*; в) соответствие согласных в ауслауте [-s]: др.тюрк. *jış, taş* - як. *sis (tia), taas*; г) образование долгих гласных и дифтонгов при

выпадении [ǰ] и [g]: др.тюрк. *taǰ* - як. *tia*, др.тюрк. *ariǰ* - як. *arii*: 2) соответствия гласных:

[a-i]: др.тюрк. *jazi* - як. *sihü*, [i-i]: др.тюрк. *jış* - як. *sis (tia)*; [e-i]: др.тюрк. *jer* - як. *sir*: [i - ii]: др.тюрк. *jazi* - як. *sihü*. Праязыковые явления наблюдаются в следующих корнях якутского языка: *taaš* * > як. *taas*; *kööl** - як. *küöl*; *ööd** > як. *üös*.

Следует отметить, что в древнетюркские и якутские географические термины имеют общую праязыковую основу. Древнетюркские и якутские рефлексy имеют сходство, как со стороны фонетической структуры, так и со стороны семантических особенностей. Тем не менее, нужно заметить, что в некоторых якутских формах прослеживаются более древние фонетические особенности, чем их древнетюркские аналоги.

Итак, фоно-семантический анализ устанавливает, что географические термины древнетюркского и якутского языка имеют тесную связь. Можно сказать, что формирование некоторых географических терминов якутского языка произошло в древнетюркскую эпоху. Например, семантические эволюции древнетюркских форм *jaqa* “воротник, край, окраина”, *jış* “равнина, степь”, *taǰ* “гора” имеют прямое отношение к формированию семантических особенностей якутских форм *saǰa*, *sis (tia)*, *tia*.

Литература

1. Антонов Н. К. Материалы по исторической лексике якутского языка. -Якутск: Кн. изд-во, 1971, с. 162 -164.
2. Бетлингк О.Н. О языке якутов. Новосибирск: Наука, 1990, с. 44.
3. Кайдаров А. Т. Структура односложных корней и основ в казахском языке. - Алма-Ата: Изд-во “Наука” Казахской ССР, 1986, с. 33.
4. Малов С.Е. Памятники древнетюркской письменности. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1951, с. 6.
5. Убрятова Е.И. Якутский язык в его отношении к другим тюркским языкам, а также к языкам монгольским и тунгусо-маньчжурским. - М.: Изд-во вост. лит., 1960, с. 13
6. Широбокова Н.Н. Об отношении якутского языка к языкам древнетюркских памятников // Исследования по языкам народов Сибири. - Новосибирск: Наука, 1977, с. 108-116.

Политические метафоры в языке суахили

Пинчук Елена Юрьевна

студентка

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

Язык является важным фактором политического самоопределения нации. От того, в какой степени он развит, насколько полно удовлетворяет вновь образующиеся коммуникативные потребности, зависит его престиж, а значит и престиж нации, говорящей на этом языке. Общественно-политические изменения, возникновение новой идеологии в стране находят отражение в общественно-политической лексике используемой в языке.

Факторами, повлиявшими на становление и развитие данной сферы терминологии, являются экономические, социальные и политические изменения в стране, повлекшие за собой два разных периода в истории общественно-политической лексики на языке суахили. Речь идет о периоде Удждамаа и периоде пост-удждамаа, а именно современном этапе развития страны.

Политика Джулиуса Ньерере, первого президента независимой Танзании, наполняет лексику политическими терминами, основанными на сугубо африканском

опыте. Язык суахили в тот период играл роль национального языка, но также выступал в качестве основы для формирования концепции социальной реальности. Недостаточно просто говорить на одном языке, необходимо было завладеть умами людей и контролировать их с помощью определенного набора образов, понятных каждому и соответствующих чаяниям народа о самоопределении и эгалитарном развитии.

Для второго этапа – этапа пост-уджамаа – характерно использование метафор, не имеющих ничего общего со становлением политического строя как семейного уклада. Целью их было раскрыть понятие рыночной экономики.

Таким образом, метафоризация общественно-политической терминологии становится мощнейшим оружием в политическом дискурсе.

Метафоры, как и все другие формы дискурса, не являются нейтральными образами, а глубоко идеологизированы. Метафоры играют очень важную роль в политике, выполняя различные стратегические функции в политическом дискурсе. Например, метафоры могут выражать солидарность, убеждать, узаконивать и делигитимизировать. Политические метафоры изменяются в соответствии с требованиями сегодняшнего дня, они же формируют систему понятий.

Метафора существует в двух видах: а) явления бытующего или обсуждаемого и б) явления, способствующего выражению желаемого значения. Первый носит название источника, второй – цели. Таким образом, для понимания метафоры необходимо проследить ее путь от источника к цели и установить понятийные отношения между ними.

Как было сказано выше, в докладе рассматриваются метафоры, относящиеся к двум этапам развития нации. Первый этап мы рассмотрим на примере следующих метафор:

Нация – это африканская семья

Нация – это человек

Капиталист – животное

Метафоры, характерные для второго периода:

Предвыборная борьба – соревнования по гоночному спорту

Экономика – это игра

Нищая нация

Система личных имен в традиционном обществе хауса

Плюшкина Ксения Михайловна

студентка

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

Тема личных имен в различных обществах интересуют ученых на протяжении уже многих десятилетий.

Многие лингвисты убеждены: имя - это отражение той вещи, которую оно представляет, оно почти тождественно ей, и не иметь имени значит просто не существовать.

Обычный представитель традиционного общества хауса обладает 3 именами, о двух из которых расскажу я, о третьем виде - моя коллега.

По традиции общества хауса имя ребенку выбирают родители отца (*dangin warki*). Как правило, имя берется из Корана либо другой мусульманской религиозной литературы. Такое имя является официальным именем человека и называется *sunan uanka*, так как в день наречения режут барана или другое животное. Выбранное имя публично объявляется в день церемонии наречения. Утром на 7 день после рождения ребенка собираются члены семьи, родственники, друзья. Церемонию ведет *malam*, ученый человек, который после наречения молится о здоровье и процветании ребенка,

его родителей и общества целом. Гостей угощают орехами кола и сладостями. Примерами sunan yanka являются Мухаммаду - пророк, Фатимату- дочь пророка.

Помимо sunan yanka ребенок получает и второе имя, или sunan gana – имя на каждый день. Sunan gana выбирается произвольно. Его выбор зачастую обусловлен тем именем, которое выбирается по Корану. Например, sunan yanka мальчиков-близнецов всегда по традиции Hasan и Husaini, а девочек - Hasana и Husaina. Этим именам соответствует sunan gana Tagwaye «близнецы» и Yanbiyu «двойняшки».

Но выбор sunan gana может быть обусловлен и другими факторами, например, днем или временем суток, когда родился ребенок. Так, ребенок, который, родился ночью, получает имя Vako

«го ть», если это мальчик, и Vakuwa «гостья», если это девочка. Ребенок, рожденный в пятницу - Jummai, Danjuma, в понедельник- Liti, Danliti, и в среду - Balarabiya, Balarabe .

Другими факторами, влияющими на выбор sunan gana, могут быть положение ребенка в семье, указание на физические или умственные недостатки ребенка. Мужское и женское имена для глухо-немого человека - Bebe и Bebiya соответственно. Ребенка, рожденного с 6 пальцами называют Cindo, прокаженного - Daru, а слепого - Makaho, Makauniya.

В случае, если в семье уже умирали дети или семейная пара долго не могла иметь детей и наконец долгожданный ребенок появился на свет, имя малыша указывает на надежду или молитву родителей к Богу. Например Куauta - дар Аллаха, Dogara - полагающийся на Аллаха.

Чтобы отвести от ребенка сглаз, его могут назвать Ayashe ,что означает «быть брошенным» или Ajefas - оставленный.

Необходимо отметить, что зачастую аппелятивные имена вытесняют коранические из повседневного общения и даже входят в состав официального имени человека.

Арабо-персидские заимствования в татарском языке

Садыкова Юлтан Загировна

студентка

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

Предметом данного исследования являются арабо-персидские заимствования в татарском языке.

Заимствования эти имеют многовековую историю. Как известно, еще до X в. персидские путешественники, торговцы появились на территории современного Татарстана. Усилению торговых, религиозных, культурных связей способствовало принятие Волжской Булгарией ислама. Татары почти тысячу лет (до 1927 г.) пользовались арабской письменностью. Арабский язык являлся языком богослужения, а персидский – языком литературы. Именно через персидский язык арабизмы проникли в татарский язык, причём слова заимствовались не поодиночке, а целыми тематическими пластами и полностью включались в звуковую систему татарского языка, видоизменялись в соответствии с законами татарской фонетики. Потому вполне объяснимо то, что носители татарского языка совершенно не ощущают арабизмы и фарсизмы как заимствования.

В ходе данного исследования удалось установить, что основную часть заимствований составляют общеупотребительные в татарском литературном языке слова; но есть и такие, которые уже относятся к пласту пассивной лексики литературного языка и в толковых словарях идут с пометкой «устаревшая лексика» или «книжное слово», либо вообще не находят места ни в толковом словаре, ни в словаре заимствований.

Многим известно, что с 30-х годов в Союзе усилились гонения на религию. У татар этот процесс связали с арабским алфавитом и арабо-персидскими словами. Они упорно изгонялись из татарского языка под предлогом борьбы с исламом, тысячи заимствований исчезли из употребления, часть заменили русскими (или европейскими), то есть новым для татарского языка пластом лексики. Это привело к нежелательному явлению: резко менялся лексический состав языка, нарушалась его целостность.

Но как только исчезла опасность осуждения, преследования за употребление арабо-персидской лексики, она стала удивительно быстро возвращаться. Такие слова как *жәмһүрият, инкыйлап, дустанә, икътисади, сәясәт, мәслихәт, барәкәт, ләззәт, истикляль, хокукый, хакимият, җадәт, мөхәррир, рух* и сотни других слов быстро активизировались в условиях демократизации общественной жизни.

Возникает ситуация, когда для обозначения одного слова наравне используются как русское (навязанное татарскому языку «сверху»), так и «возвращённое» арабо-персидское слово (например, считаются синонимами и используются наравне слова “экзамен” и “имтһан”, “республика” и “жәмһүрият”, “экономика” и “икътисад”, “политика” и “сиясәт” и т.д.), причём явное предпочтение отдаётся в таком сл учае именно арабизму-фарсизму.

Автором также рассматривается проблема частотности употребления арабо-персидских заимствований в татарском языке, зависящая, по мнению автора, от уровня стиля речи, что и показано на примере газетной лексики. В ходе исследования была проведена работа с информантами, носителями татарского языка, которые оценивали газетные статьи по стилю, затем подсчитывалось количество заимствований в статьях. Методом дисперсионного анализа была выведена прямая зависимость между стилем речи и количеством заимствований.

Перестройка в обществе и последующие социально-политические условия активизировали процесс возвращения персидских заимствований, которые стали широко употребляться как в общественно-политической, так и в живой разговорной речи, что подтверждает актуальность и значение данного исследования.

Древнетюркские морфологические репрезентации в современном якутском языке (категория имени существительного)

Старостина Яна Егоровна

студентка

Якутский государственный университет им. М.К. Аммосова

Общеизвестно, что якутский язык в своем историческом развитии восходит к тюркскому праязыку. Но, как предполагают многие тюркологи, формирование основной фоно-морфологической системы современного якутского языка происходило именно в древнетюркскую эпоху. Хотя, якутский язык претерпел сильное влияние тюркских (огузский, уйгурский) и монгольских (монгольский и бурятский) языков, его пратюркская канва сохранилась. Именно этот древний пласт якутского языка имеет близкое отношение к древнетюркскому языку.

Целью данной работы является выявление древнетюркских морфологических репрезентаций в якутском языке. В качестве объекта исследования нами выбрана категория имени существительного (словообразовательные аффиксы, падежная система, категории принадлежности и множественного числа).

Нами выявлены следующие морфологические репрезентации:

1. Словообразовательные аффиксы:

-*lig//lik*: др.тюрк. *gışlig* / як. *kistik* (зимовье).

-*ci // - cüt*: др. тюрк. *jolci* // як. *suolcut* (проводник);

-aq//aq: др. тюрк. *bičaq* // як. *bihaq* (нож);
-ig//ii: др. тюрк. *bilig* // як. *bilii* (знание) [1];

2. Парные существительные:

др. тюрк. *at-kūs* // як. *aat-küüs* (слава, честь), др. тюрк. *aš-ton* // як. *as-taņas* (продукты, одежды); др. тюрк. *ačsīq-tosīq* // як. *aččik-tot*, (голодный, сытый), др. тюрк. *künli-tünli* // як. *künnäri -tüünnäri* (днем и ночью) и т.д.

3. Категория множественного числа:

-lar//lar: др. тюрк. *atlar* // як. *attar* (кони, лошади); др. тюрк. *öküzlär* // як. *oğustar* (быки). Например, *Tört biğ atlarım, jilqim – Tüört tihünča attarım, silgim* (Четыре тысячи моих коней-лошадей) [2].

4. Категория принадлежности:

Аффиксы 1,2,3 л. ед. ч. в древнетюркском и якутском языках идентичны. В этом отношении нужно отметить, что полное совпадение структурного оформления аффиксов принадлежности единственного числа является признаком тесной взаимосвязи между древним огузским (древнетюркским) и якутским языками.

5. Категория падежа:

Винительный падеж: -iğ // -i: др. тюрк. *atiğ* // як. *ati* (коня);

Дательный падеж: -kä // -ka: др. тюрк. *atqa* // як. *akka* (коню);

Местный-исходный падеж: -tan // -tan: др. тюрк. *attan* // як. *attan* (от коня);

Родительный падеж: -iñ // -iñ: др. тюрк. *buduniñ* // як. *noruotun* (народ[его]). Таким образом, данный аффикс обозначает принадлежность, которая реализуется как приименное определение в определительной группе имен существительных.

Например, *Bilgä qağanin buduni* // *Bilge qağanin noruota* (Народ мудрого кагана).

О наличии родительного падежа в древнеякутском языке было подробно написано в работе академика С.В.Ястремского. В нашем случае данное явление четко фиксируется в якутском варианте: *Bilgä qağanin noruota*, где аффикс -iñ является омертвелым аффиксом родительного падежа.

В притяжательном склонении идентичные аффиксы наблюдаются во винительном падеже: Например: 1 л. -mīn // -bīn: др. тюрк. *atmīn* // як. *appīn* (моего коня), 2 л. -ñin // -kīn: др. тюрк. *atiñin* // як. *akkīn*; 3 л. -iñ // -iñ (твоего коня): др. тюрк. *atiñ* // як. *atiñ* (его коня).

Türk budun ilin-törüsün tuta birmis // *Tüür noruotun ilin-törütiün tutan biärbit* (Они поддерживали и устраивали племенной союз тюркского народа) [КТб. 10] [3].

Сравнительный анализ существительных древнетюркского и якутского языков выявил, что в якутском языке окончательное формирование существительного (словообразование и система падежной категории) произошло до V-VIII вв. В этой связи нужно отметить, что якутский и древнетюркский языки в своем историческом развитии восходят к общему тюркскому праязыку. Наличие идентичных форм в словообразовании и падежной системе, а также специфическая поздняя трансформация других формантов падежной системы обоих языков показывают что, морфологическая структура якутского языка была сформирована под влиянием именно огузского праязыка.

Литература

1. Антонов Н.К.(1970) Былыргы тюрк тыла (VI-VIII). Якутск: кн. изд.
2. Левин Г.Г. (2000) Былыргы тюрк тыла (морфология). Якутск: изд. ЯГУ.
3. Кононов А.Н.(1980) Грамматика языка тюркских рунических памятников VII-IX вв. Л.: Наука.

Концепт «Родина» в языковом сознании корейцев и якутов

Сыроватская Диана Александровна

студентка

Якутский государственный университет им. М.К. Амосова

В центре внимания современной лингвистики находятся проблемы, связанные с отражением национальной культуры и истории в языках. Роль языка в накоплении культуры очевидна и очень велика. При этом язык, будучи одним из основных признаков нации, выражает культуру народа, который на нём говорит, т.е. творит национальную культуру. Современный антропоцентрический подход к языку требует изучать не только сам язык, но и влияние человека на язык и культуру, а, следовательно, позволяет изучать народ и его менталитет.

В последние десятилетия понятие концепта и концептосферы активно вошло в научный обиход.

Ассоциативный эксперимент позволяет выяснить, как устроены фрагменты языкового сознания у носителей языка.

Нами был проведен опрос среди 100 человек, для того чтобы сравнить понятие концепта «Родина» в языковом сознании корейцев и якутов.

Опрашиваемым была предложена анкета, в которой нужно было указать пол, возраст, род деятельности и написать по одной ассоциации к приведенным в анкете словам. Информантами в свободном ассоциативном эксперименте выступили мужчины и женщины в возрасте от 15 до 80 лет.

Концепт «Родина» в сознании корейцев и якутов во многом отличается, но есть и схожие ответы. Такие, как: деревня, дом.

В ответах якутов преимущественно преобладают ассоциаты мать и дом. В ответах корейцев же – воспоминание, друзья, легенда.

Эта работа позволила увидеть, как когнитивная деятельность человека влияет на формирование концептосферы.

Литература

1. Лихачев Д.С. Концептосфера русского языка // Русская словесность.- М., 1997.
2. Степанов Ю.А. Константы: Словарь русской культуры.- М., 1997.
3. Философский энциклопедический словарь. М., 1997.
4. Аскольдов С. А. Концепт и слово // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста: Антология. М., 1997.
5. Фрумкина Р.М. Психолингвистика: Учеб. для студ. высш. учеб. заведений.М.: Издательский центр «Академия», 2001
6. Маслова В.А. Введение в когнитивную лингвистику: Учебное пособие / В.А. Маслова. – М.: Флинта: Наука, 2004.

К проблеме изучения аспектуальности в китайском и бурятском языках

Шахаева Александра Альбертовна

ассистент

Бурятский государственный университет

Как отмечает А.В. Бондарко, в каждом языке есть поле аспектуальности, а центром поля аспектуальности является грамматическая категория вида. Согласно А.В. Бондарко, вид является категорией с семантической доминантой (то есть основанной на понятийном, концептуальном содержании) наряду с такими категориями, как наклонение, время, лицо и залог. В отличие от категории времени, категория вида носит

в основном интерпретационный характер, то есть реализует зафиксированный и объективированный в языковой системе взгляд говорящего на действие.

Большинство лингвистов-китаеведов считает возможным говорить о наличии в китайском языке категории аспекта, а функционально-семантическое единство – языковые поле аспектуальности, формируют средства, выражающие характер протекания действия во времени. К таким средствам относятся такие суффиксы как, *le*, *guo*, *zai* и *zhe*, которые вносят особое видовое (аспектуальное) значение в глагол, к которому они присоединяются. Как отмечают авторы статьи «Aspect and assertion in mandarin Chinese» Вольфганг Клейн, Пин Ли и Генриетта Хендрикс. Эти суффиксы служат для маркировки описательного содержания той части предложения, которая доказывается, и чья аспектуальность является следствием этой функции. Значения суффиксов *le*, *guo*, *zai* и *zhe*, должны быть разграничены в рамках отношений между временем разговора и временем ситуации, говорят о важности их взаимодействий с различными глагольными высказываниями.

В бурятском языке в речи аспектуальные значения выражаются набором средств, составляющих функционально-семантическое поле аспектуальности: морфологическими, лексическими, лексико-грамматическими, синтаксическими (сочетаниями), контекстуальными средствами (неглагольные показатели характера протекания действия). Грамматическим (морфологическим) ядром аспектуальности в бурятском языке является категория вида глагола. Семантическим стержнем категории вида бурятских глаголов является выражение завершенности/незавершенности действия. В бурятском языке категория вида представлена противопоставлением глаголов неопределенного и определенного видов. Глаголы, составляющие видовую оппозицию, обладают одним и тем же лексическим значением, но разными грамматическими видовыми формами. Глагол неопределенного вида представляет собой исходный глагол, например: *гүйхэ* – бегать, *ябаха* – ходить, *гараха* – выходить. Глаголы определенного вида образуются при помощи сочетания деепричастных и причастной (многократного) форм глаголов со служебным грамматикализованным глаголом *байха*.

Литература:

1. Бондарко А.В. (1983) Принципы функционально грамматики и вопросы аспектологии. Л.: Наука, 1983.
2. Бондарко А.В. (1976) Теория морфологических категорий. Л.: Наука, 1976.
3. Егодурова В.М. (2003) Бурятский глагол. Улан-Удэ: Бурятский государственный университет, 2003
4. Коротков Н.Н. (1968) Основные особенности морфологического строя китайского языка (грамматическая природа слова). М.: Наука, 1968.
5. Тань Аошуан (2002) Проблемы скрытой грамматики синтаксис, семантика и прагматика языка изолирующего строя на примере китайского языка. М.: Языки славянской культуры, 2002
6. Zhang Zhijun (2007) Сопоставительное исследование русского языка с китайским в аспекте аспектуальности//语言 – 文化 – 交际: 国际学术会议论文集. – 哈尔滨:黑龙江人民出版社, 2007.2. – с. 106-116.
7. Wolfgang Klein, Ping Li and Henriette Hendriks (2004) Aspect and assertion in mandarin Chinese// Journal of East Asian Linguistics, №13 p. 723 – 770.